

Серия «Политология. Религиоведение»

2024. Т. 50. С. 99–109

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 327

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.99>

Цифровая дипломатия vs кибердипломатия: к проблеме терминологии в академической литературе

А. А. Павлюченко*

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Рассматриваются терминологические проблемы изучения цифровой дипломатии. Наблюдается фрагментированность в академическом дискурсе, которая усложняется несколькими факторами: внедрением новых терминов, изменением определений и отсутствием связи между несколькими периодами исследования. Показывается, что в результате эволюции предметного поля некоторые термины вышли из оборота, например «электронная дипломатия» или «твитдипломатия», хотя они по-прежнему могут встречаться в некоторых регионах мира. Отмечается, что «цифровая дипломатия», «кибердипломатия» и «цифровая публичная дипломатия» показали себя как наиболее устойчивые термины, обладающие наибольшими перспективами для дальнейшего изучения. Предлагается разработка периодизации, более точных определений и вписывание новых понятий в канву устоявшейся терминологии для дальнейшего развития предметной области. В результате анализа терминологии делается вывод, что на данный момент можно говорить о выделении трех основных направлений внутри изучения цифровой дипломатии: внедрение новых технологий в дипломатическую практику (включая использование социальных сетей), новая переговорная повестка, связка вычислительных наук и дипломатии.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, кибердипломатия, дата-дипломатия, дипломатия данных, цифровые международные отношения, научная дипломатия.

Для цитирования: Павлюченко А. А. Цифровая дипломатия vs кибердипломатия: к проблеме терминологии в академической литературе // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024. Т. 50. С. 99–109. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.99>

Original article

Digital Diplomacy vs. Cyber Diplomacy: Issues of Terminology in Academic Literature

A. A. Pavliuchenko*

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article examines the terminological issues in digital diplomacy. The author comes to the conclusion that the fragmentation observed in the academic discourse is complicated by several factors: the introduction of new terms, definitions, and the lack of connection between several periods of research. Due to the evolution of the subject field, some terms have gone out of general circu-

© Павлюченко А. А., 2024

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

lation, such as e-diplomacy and Tweetplomacy, although they can still be found in some regions. However, digital diplomacy, cyber diplomacy and digital public diplomacy have been proven to be the most stable terms with the greatest prospects for further study. The author comes to the conclusion about the need to develop periodisation, more precise definitions, and to incorporate new concepts into the framework of established terminology for the further development of the subject area. Based on the analysis of the terminology, the author comes to the conclusion that at the moment we can consider identifying three main directions within the study of digital diplomacy, namely, the introduction of new technologies in diplomatic practice (including the use of social networks), a new negotiation agenda, and a link between computational sciences and diplomacy.

Keywords: Digital diplomacy, cyber diplomacy, data diplomacy, digital IR, Science diplomacy.

For citation: Pavliuchenko A.A. Digital Diplomacy vs. Cyber Diplomacy: Issues of Terminology in Academic Literature. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2024, vol. 50, pp. 99–109. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.99> (in Russian)

Влияние цифровых технологий на дипломатию стало значимым предметом исследования с начала XXI в. [17; 29], хотя умозрительные перспективы применения данных технологий в дипломатии отмечались и ранее [1].

Можно отметить, что информационная революция второй половины XX в. не стала первой, к которой пришлось приспособиться дипломатам. Ранее появление парового двигателя и телеграфа обеспечили постоянный контакт дипломатических представительств с центрами принятия решений, ограничив круг вопросов, по которым дипломаты могли самостоятельно принимать решения. Появление интернета, электронных писем и социальных сетей имело аналогичный эффект, ускорив передачу и увеличив объем информации, которым оперируют дипломатические службы.

Осмысление этого процесса привело к образованию целого ряда новых терминов: «медиадипломатия» (media diplomacy) [19], «цифровизация публичной дипломатии» (digitalization of public diplomacy) [23], «виртуальная дипломатия» (virtual diplomacy) [26], «гибридная дипломатия» (hybrid diplomacy) [15], «Е-дипломатия» (e-Diplomacy) [20], «кибердипломатия» (cyberdiplomacy) [27], «нетдипломатия» (net diplomacy) [25], «публичная дипломатия 2.0» (public diplomacy 2.0) [28], «real-time дипломатия» (real-time diplomacy) [30].

Появление такого количества определений, периодически взаимозависимых или являющихся частью друг друга, привело к терминологическому хаосу. Некоторые из них не закрепились ввиду своей узости, например ряд терминов, посвященных отдельным платформам или их функциям. Некоторые не закрепились ввиду отсутствия четкого определения.

В свою очередь, такие термины, как «цифровая дипломатия» и «кибердипломатия» (и их вариации) показали наибольшую жизнеспособность в академической среде. Цель данной работы – систематизировать основные концептуальные подходы к определению данных терминов и обозначить перспективы дальнейшего развития данных определений на примере датадипломатии.

Цифровая дипломатия как инструмент дипломатов

Работы, посвященные влиянию информационных технологий на дипломатию, начали активно появляться на рубеже 1990–2000-х гг. [27; 29]. Однако первой попыткой ввести термин, обозначающий данное явление, можно назвать книгу В. Дизарда мл. «Digital Diplomacy: US Foreign Policy in the Information Age». В своей работе Дизард не дает четкого определения цифровой дипломатии, но выделяет три основных ее составляющих [17]:

– *политика (policy)*: появление нового комплекса внешнеполитических вопросов, связанных с передовыми средствами связи и информационными ресурсами;

– *внутренние операции (operations)*: изменения в организации информационных ресурсов в Государственном департаменте и других ведомствах, участвующих во внешнеполитических операциях;

– *публичная дипломатия*: возросшая роль публичной дипломатии и в особенности использование цифровых технологий для воздействия на общественное мнение.

Следует учитывать, что понятие «цифровая» в работе В. Дизарда было отражением времени и понималось шире, чем это происходит сегодня. В своей работе В. Дизард понимал под цифровой дипломатией, в частности, передачу спутникового ТВ-сигнала, прослеживая, таким образом, цифровую дипломатию еще в 1950–60-х гг. И это в целом является характерной проблемой для всей терминологии, используемой для описания взаимного влияния новых технологий на дипломатию. Под цифровыми мы понимаем технологии, сравнительно недавно вошедшие в нашу жизнь, в то время как технологии, ставшие частью повседневности, уже не воспринимаются таковыми. Для сегодняшнего дня не характерно, к примеру, называть цифровой дипломатией передачу документов на карте памяти или отправку электронных писем.

Можно предположить, что это стало одной из причин непопулярности работы Дизарда среди современных исследователей и разрыва между ней и современным академическим дискурсом. Основная масса работ, где применялся данный термин, появилась после 2011 г., когда это словосочетание было заимствовано из одноименного стратегического плана по развитию ИТ-технологий Государственного департамента США. В нем не давалось четкого определения, но о значении можно сделать выводы на основе описания: «цифровая дипломатия позволяет расширить сотрудничество и обмен информацией между нашими внутренними и внешними заинтересованными сторонами, применяя современные инструменты социальных сетей и полезные информационные ресурсы для решения проблем дипломатии и развития»¹.

Учитывая, что социальные сети на тот момент находились на пике завышенных ожиданий², именно они стали основным фокусом внимания и для Государственного департамента, и для исследователей.

¹ IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011-2013 / US Department of State, 2011.

² Согласно циклу ажиотажа, разработанного консалтинговой компанией Gartner, пик завышенных ожиданий – момент, когда на внедрение новой технологии в различные сферы жизни общества и производства возлагаются чрезмерные ожидания.

Для последовавших после 2011 г. работ, посвященных цифровой дипломатии, характерно два основных подхода к ее определению: широкий и узкий. Для узкого подхода характерно определение цифровой дипломатии как использование цифровых технологий в целях влияния на общественное мнение за рубежом или в целях публичной дипломатии [2; 5–7]. Два главных элемента данного подхода – это акцент на каналах коммуникации и работе с общественным мнением. Таким образом, есть в рамках данного определения в основном понимается использование социальных сетей, к примеру «Твиттера»*, и веб-сайтов.

В свою очередь, для широкого подхода характерно понимание под цифровой дипломатией влияния цифровых технологий на дипломатию в целом [21; 23; 24]. Однако ввиду того, что исследователи зачастую дорабатывали свои определения в относительно короткий период, на данный момент сложно выделить, какой подход более характерен для отдельных стран или институтов.

Данное явление можно хорошо проследить в работах израильского исследователя И. Мэнора. В своей совместной работе 2015 г. И. Мэнор и Е. Сегев определяют цифровую дипломатию как использование государством социальных сетей для достижения целей внешней политики и управления своим национальным имиджем [23]. Однако уже в 2017 г. И. Мэнор «переопределил» цифровую дипломатию как общее влияние информационно-коммуникационных технологий на дипломатию – от электронной почты до приложений для смартфонов [22].

Широкое определение, к которому перешел Мэнор (как и любое широкое определение), потребовало дополнительного уточнения того, что мы под ним подразумеваем. Исследователь Оксфордского университета К. Бйола в качестве решения данной проблемы предложил ввести микро- и макроуровень цифровой дипломатии. «Макроуровневый контекст, в котором осуществляется цифровая дипломатия (сетевая и мягкая сила), и микроуровневый вклад, который цифровые технологии вносят в практику дипломатии (консульские услуги, кризисная коммуникация, воздействие)» [14].

В то же время И. Мэнор, расширив само определение цифровой дипломатии, предложил отдельно говорить о цифровизации публичной дипломатии, имея в виду использование социальных сетей для продвижения государственного имиджа [23]. Схожей позиции в одной из последних работ придерживается Н. А. Цветкова, говоря отдельно о цифровизации публичной дипломатии [10].

Некоторые исследователи решают данную проблему, вводя дополнительный термин «твитпломатия» («твиттер-дипломатия»), подразумевающий под собой использование социальных сетей, в основном «Твиттера»*, для целей публичной дипломатии и улучшения государственного имиджа. Наибольшую популярность данный термин приобрел в начале 2010-х гг. [9], но и по сей день используется исследователями, особенно вне западного ака-

---

* Признана экстремистской организацией и запрещена на территории России.

* Признана экстремистской организацией и запрещена на территории России.

демического сообщества. К примеру, можно отметить несколько монографий, посвященных данному явлению, вышедших на Ближнем Востоке: «Twitter Diplomacy: Media Polarization Before and After the Abraham Accords» Найяда Альсайеда [13] и «Within Tweeting Distance: How States Use Twitter Diplomacy» Нур Суван [31].

Кибердипломатия как поле для дипломатов

Проблему с терминологией осложняет и параллельное существование термина «кибердипломатия». Данный термин появился примерно в то же время, что и цифровая дипломатия в коллективной монографии 2002 г. «Cyber-Diplomacy: Managing Foreign Policy in the Twenty-First Century» под редакцией канадского исследователя Эвана Х. Поттера [27]. Так же, как и цифровая дипломатия, термин «кибердипломатия» не имел точного определения.

Изначально в работе Поттера под ней понималось проведение информационных кампаний посредством новых технологий (интернета, веб-сайтов), хотя в книге широко освещается влияние медиа на дипломатию в целом. Так же, как и цифровая дипломатия, кибердипломатия в актуальном значении популяризировалась после 2011 г., когда данный термин перетек в академическую среду из справочных материалов Государственного департамента США.

В материалах Государственного департамента также нет четкого определения, однако из описания следует, что кибердипломатия «охватывает широкий спектр интересов США в киберпространстве. К ним относятся не только кибербезопасность и свобода Интернета, но и управление Интернетом, использование Интернета в военных целях, инновации и экономический рост»³. В этом значении она и стала популярна в академическом сообществе.

Примером кибердипломатии в этом смысле можно считать деятельность Рабочей группы открытого состава по выработке норм поведения в киберпространстве ООН или переговоры, направленные на разрешение киберинцидентов. Это хорошо отражает тот факт, что термин закрепился, в частности, в ООН, как и то, что префикс «кибер-» чаще используется в контексте безопасности.

Позже Ш. Риордан определил термин как «использование дипломатических инструментов и дипломатического мышления для решения проблем, возникающих в киберпространстве»⁴. Для разграничения цифровой и кибердипломатии можно применить ту же логику, что использовал российский исследователь Е. А. Коньков в своей работе «Цифровизация политики vs политика цифровизации», противопоставляя цифровизацию «политики как распространение технологий на политические отношения и политику цифровизации, связанную с политическим управлением развития цифровых технологий в экономике и социальной сфере» [3]. Но в нашем случае мы говорим

³ International Cyber Diplomacy: Promoting Openness, Security and Prosperity in a Networked World. U.S. Department of Stat. 2011. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/pl/168689.htm> (дата обращения: 07.09.2024).

⁴ Riordan S. Cyber Diplomacy vs. Digital Diplomacy: A Terminological Distinction. USC Center on Public Diplomacy. 2016. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/cyber-diplomacy-vs-digital-diplomacy-terminological-distinction> (дата обращения: 07.09.2024).

о дипломатической деятельности, т. е. распространении технологий на дипломатические отношения, и о дипломатии цифровизации, т. е. участии дипломатов в новой переговорной повестке.

Эта дихотомия позволяет снова вернуться к тому, какие составляющие цифровой дипломатии описывал Дизард в своей работе. При наложении этих составляющих на актуальную терминологию можно получить следующее:

- *цифровая дипломатия* – использование цифровых технологий в дипломатических целях;
- *цифровая публичная дипломатия* – использование цифровых технологий в целях публичной дипломатии;
- *кибердипломатия* – участие дипломатов в переговорной повестке по вопросам киберпространства.

Актуализация его терминологии и определений позволяет связать воедино основные явления, о которых пишут современные исследователи цифровой дипломатии, с изначальной концепцией Дизарда, хотя не снимает вопрос о том, где заканчивается цифровая дипломатия и начинается цифровая публичная дипломатия, и тем более не отвечает на вопрос о месте новых терминов в данной системе.

Таким образом, данное направление академической мысли по-прежнему находится в состоянии терминологической и концептуальной раздробленности по ряду причин. Во-первых, академическое сообщество нередко принимает на свое вооружение новую терминологию, заимствованную из документов официальных ведомств. Во-вторых, за последние десятилетия само значение термина «цифровой» претерпело изменения. В-третьих, появление новых цифровых технологий и платформ коммуникации приводит к появлению в академическом дискурсе новых терминов, например «твитдипломатия» [9], «дата-дипломатия» [11; 16; 18].

Дата-дипломатия на стыке подходов

Говоря о новых терминах, нельзя не отметить популярный в последние годы феномен дата-дипломатии. Термин стал «набирать обороты» ввиду активного использования государствами аналитики больших данных и интеграции искусственного интеллекта. Дата-дипломатия ярко иллюстрирует проблему, которая актуальна для любых терминов, основанных на названии конкретной технологии или платформы.

В некоторых случаях дата-дипломатия вписывается в уже существующую терминологическую канву. Например, в своей последней работе Н. А. Цветкова, А. Н. Сытник и Т. А. Гришанина используют термин «дата-дипломатия» как новый этап развития цифровой дипломатии, при котором началось «использование аналитики больших данных для реализации внешнеполитических задач» [12].

В других же случаях данные термины существуют полностью отдельно или вписываются в другую «терминологическую традицию», из-за чего возникает понятийный конфликт. Одной из первых работ, направленных на изучение гипотетических возможностей применения анализа больших данных в дипломатии, можно назвать работу исследователя Рочестерского уни-

верситета Тимоти Дая, который ввел термин «дипломатия больших данных» (Big Data Diplomacy). Дай понимал под ним «концепцию, которая объединяет принципы науки о данных, технологий и вычислений с социальными науками, международными отношениями и дипломатическими переговорами, а в некоторых случаях предлагает новый дипломатический инструмент, облегчающий глобальные (и локальные) отношения» [18].

Позже в соавторстве с Э. Бойдом, Дж. Гейтвуд и С. Торсоном он разработал три субкатегории дипломатии данных, опираясь на составляющие научной дипломатии [16]:

– *данные в дипломатии*: применение данных в отношениях между национальными государствами или другими субъектами. Применение данных для повышения качества консульских услуг или использование данных как вспомогательного инструмента переговоров могут быть иллюстрацией данной субкатегории. Данному аспекту уделено основное внимание в работе;

– *данные для дипломатии*: взаимодействие заинтересованных сторон для усовершенствования, использования и интерпретации данных. Примером может служить разработка единого стандарта языков программирования, соглашения по обмену данными и т. д.;

– *дипломатия ради данных*: эксперты по работе с данными создают платформу для глобальной кооперации. В качестве примера можно привести UN Global Pulse – инициативу по повышению эффективности использования больших данных в международной гуманитарной деятельности и содействию развитию, включающую в себя волонтерскую программу для ученых, занимающихся данными.

Как видно на примере дата-дипломатии, термин вписался в несколько традиций. С одной стороны, в изучение цифровой дипломатии, а с другой – в изучение научной дипломатии. В результате не до конца понятно, что под ним может понимать исследователь.

Более того, в концепции Дая не до конца понятно, что такое данные и дипломатия, так как в данные он включает и языки программирования, а в дипломатию – и кооперацию между экспертами, в результате чего остается неясным, где заканчивается дипломатия и начинается международное сотрудничество или международные отношения.

Хотя справедливости ради можно отметить, что это характерно в принципе для исследования дипломатии, так как встречается и в смежных сферах исследования, где к слову «дипломатия» прикрепляется уточняющий термин «спортивная», «гастрономическая», «энергетическая» и т. п.

Получившиеся в результате конструкции чаще всего отличаются очень широким значением. Кроме того, в них не до конца дается понимание того, что такое дипломатия и где она заканчивается.

На наш взгляд, в вопросе цифровой, кибер- или дата-дипломатии было бы наиболее логичным сузить понятие и говорить только о деятельности внешнеполитических ведомств и структур публичной дипломатии, чтобы не допустить их «размытия». Это касается и введения новых терминов в академический оборот, на наш взгляд, имеет смысл как минимум вписывать их в

уже существующую терминологическую канву, а не оставлять «висящими в воздухе». Возможно, решением данной задачи может стать введение периодизации цифровой дипломатии, попытка выработать которую уже предпринималась некоторыми авторами [4; 8; 10; 32].

Выводы

Исследования обоюдного влияния цифровизации на дипломатию отличаются значительной степенью фрагментации, что привело к появлению целого ряда новых терминов, отличающихся своей спецификой употребления. Некоторые термины, например «электронная дипломатия», полностью вышли из оборота к середине 2010-х гг., в то время как цифровая дипломатия приобрела новый смысл и получила привязку к социальным сетям. Кибердипломатия в большей мере ушла в своем применении в сферу разработки киберправа и мер кибербезопасности, в то время как дата-дипломатия оказалась на грани понятий «научная дипломатия» и «цифровая дипломатия».

Таким образом, можно говорить об определенном разграничении данных терминов, круга экспертов и специфики изучения явлений, понимаемых под данными терминами, т. е. можно говорить о выделении трех основных направлений внутри изучения цифровой дипломатии: внедрение новых технологий в дипломатическую практику (включая использование социальных сетей), новая переговорная повестка, связка вычислительных наук и дипломатии.

Список литературы

1. Батурин Ю. М. Проблемы компьютерного права. М. : Юрид. лит., 1991. 212 с.
2. Зиновьева Е. С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности // Индекс безопасности. 2013. Т. 19, № 1(104). С. 213–228.
3. Коньков А. Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13, № 1. С. 47–68.
4. Павлюченко А. А. К вопросу о периодизации цифровой дипломатии США // Русская политология. 2023. № 3(28). С. 69–81.
5. Сурма И. В. Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 6 (39). С. 53–60.
6. Сурма И. В. Цифровая дипломатия в мировой политике // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 49. С. 220–249.
7. Сурма И. В. Цифровая дипломатия : монография. М. : Сам Полиграфист, 2020. 124 с.
8. Теленьга М. П. Цифровая дипломатия США: историографический обзор // AMERICANA. 2020. № 16. С. 250–267.
9. Торреальба А. А. Твиттломатия: влияние социальной сети Твиттер на дипломатию // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С. 152–166.
10. Цветкова Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 37–47.
11. Цветкова Н. А., Кузнецов Н. М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 4(1). С. 27–44.
12. Цветкова Н. А., Сытник А. Н., Гришанина Т. А. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15, № 2. С. 174–196.

13. *AlSaied N.* Twitter Diplomacy: Media Polarization Before and After the Abraham Accords. Las Vegas : Pensiero Press, 2022. 287 p.
14. *Bjola C.* Digital diplomacy – the state of the art // *Global Affairs*. 2016. Vol. 2, N. 3. P. 297–299. <https://doi.org/10.1080/23340460.2016.1239372>.
15. *Bjola C., Manor I.* The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption // *International Affairs*. 2022. Vol. 98, N 2. P. 471–491. <https://doi.org/10.1093/ia/iia005>
16. *Data Diplomacy / A. Boyd, J. Gatewood, S. Thorson, T. Dye // Science & diplomacy*. 2019. Vol. 8.
17. *Dizard W. P.* Digital diplomacy: U.S. foreign policy in the information age. Westport, Conn : Praeger, 2001. 356 p.
18. *Dye T.* Data Diplomacy // American Association for the Advancement of Science: Science Diplomacy Conference. 2015. P. 19–20. 31.
19. *Gilboa E.* Diplomacy in the media age: Three models of uses and effects // *Diplomacy & Statecraft*. 2001. Vol. 12. N. 2. P. 1–28.
20. *Hanson F.* Revolution @State: The spread of ediplomacy. Sydney: Lowy Institute for International Policy, 2012. 84 p.
21. *Hocking B., Melissen J.* Diplomacy in the Digital Age. Wassenaar: Netherlands Institute of International Relations Clingendael, 2015.
22. *Manor I.* The Digitalization of Diplomacy- Toward Clarification of a Fractured Terminology // Digital Diplomacy Working Paper. 2017. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.31199.36004>
23. *Manor I.* The Digitalization of Public Diplomacy. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 372 p.
24. *Manor I., Segev E.* America's Selfie: How the US Portrays Itself on its Social Media Accounts // *Digital diplomacy: theory and practice / eds. C. Bjola, M. Holmes*. London ; New York : Routledge, 2015. 252 p.
25. *Metzl J. F.* Network Diplomacy // *Georgetown Journal of International Affairs*. 2001. Vol. 2, N 1. P. 77–87.
26. *Pilegaard J.* Virtually Virtual? The New Frontiers of Diplomacy // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2017. Vol. 12, N. 4. P. 316–336. <https://doi.org/10.1163/1871191X-12341356>
27. *Potter E. H.* (Eds.) *Cyber-diplomacy: managing foreign policy in the twenty-first century*. Montréal : McGill-Queen's Univ. Press, 2002. 334 p.
28. *Khatib L., Dutton W., Thelwall M.* Public Diplomacy 2.0: An Exploratory Case Study of the US Digital Outreach Team // *Middle East Journal*. 2011. Vol. 66. <https://doi.org/10.2307/23256656>
29. *Reinventing Diplomacy in the Information Age: A Report of the CSIS Advisory Panel on Diplomacy in the Information Age / R. Burt, O. Robison, B. Fulton*. W, DC : CSIS, 1998. 87 p.
30. *Seib P.* Real-time diplomacy: politics and power in the social media era. New York : Palgrave Macmillan, 2012. 256 p.
31. *Suwwan N.* Within Tweeting Distance: How States Use Twitter Diplomacy. Washington : Academica Press, 2022. 112 p.
32. *Tsvetkova N. A.* Digitalization of U. S. Public Diplomacy // *Digest of World Politics. Annual Review*. 2020. Vol. 10. P. 432–443. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.29>.

References

1. Baturin YU.M. *Problemy kompyuternogo prava* [Legal Issues in Computer Law]. Moscow, YUrid. Lit. Publ., 1991, 212 p. (in Russian)
2. Zinovieva E. Cifrovaya diplomatiya SSHA: vozmozhnosti i ugrozy dlya mezhdunarodnoj bezopasnosti [U.S. Digital Diplomacy: Opportunities and Threats to International Security]. *Security Index*, 2013, vol. 19, no. 1(104), pp. 213–228. (in Russian)
3. Konkov A.E. Cifrovizaciya politiki vs politika cifrovizacii [Digital politics vs political digitalization]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 47–68. (in Russian)
4. Pavliuchenko A.A. K voprosu o periodizacii cifrovoj diplomatii SSHA [Periodization of US digital diplomacy]. *Russian political science*, 2023, no. 3(28), pp. 69–81. (in Russian)

5. Surma I.V. Cifrovaya diplomatiya v diskurse global'noj politiki [Digital Diplomacy in the Discourse of Global Policy]. *MGIMO Review of International Relations*, 2014, no. 6(39), pp. 53-60. (in Russian)
6. Surma I.V. Cifrovaya diplomatiya v mirovoj politike [Digital diplomacy in global politics]. *Public administration. E-journal*, 2015, no 49, pp. 220-249. (in Russian)
7. Surma I.V. *Cifrovaya diplomatiya: monografiya* [Digital diplomacy: monography]. Moscow, Sam Poligrafist, 2020, 124 p. (in Russian)
8. Telenga M.P. Cifrovaya Diplomatiya SSHA: Istoriograficheskij Obzor [To the Question of the Development of Digital Diplomacy in International Relations]. *AMERICANA*, 2020, no. 16, pp. 250-267. (in Russian)
9. Torrealba A.A. Tvitplomatiya: vliyanie socialnoj seti Twitter na diplomatiyu [Twiplomacy: Impact of twitter social network on diplomacy]. *Vestnik RUDN: International Relation*, 2015, no. 3, pp. 152-166. (in Russian)
10. Tsvetkova N.A., Kuznetsov N.M. Fenomen diplomatii bolshih dannyh v mirovoj politike [Phenomenon of Big Data Diplomacy in World Politics]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istorija. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, no. 1(4), pp. 2-44. (in Russian)
11. Tsvetkova N.A. Fenomen cifrovoj diplomatii v mezhdunarodnyh otnosheniyah i metodologiya ego izucheniya [The Digital Diplomacy as a Phenomenon of International Relations: Research Methodology]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istorija. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, no. 2, pp. 37-47. (in Russian)
12. Tsvetkova N.A., Sytnik A.N., Grishanina T.A. Cifrovaya diplomatiya i digital international relations: vyzovy i novye vozmozhnosti [Digital diplomacy and digital international relations: challenges and new advantages]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 174-196. (in Russian)
13. AlSaied N. *Twitter Diplomacy: Media Polarization Before and After the Abraham Accords*. Las Vegas, Pensiero Press, 2022, 287 p.
14. Bjola C. Digital diplomacy – the state of the art. *Global Affairs*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 297-299. <https://doi.org/10.1080/23340460.2016.1239372>.
15. Bjola C., Manor I. The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption. *International Affairs*, 2022, vol. 98, no. 2, pp. 471-491. <https://doi.org/10.1093/ia/iaac005>
16. Boyd A., Gatewood J., Thorson S., Dye T. Data Diplomacy. *Science & diplomacy*, 2019, vol. 8.
17. Dizard W.P. *Digital diplomacy: U.S. foreign policy in the information age*. Westport, Praeger, 2001, 356 p.
18. Dye T. Data Diplomacy. *American Association for the Advancement of Science: Science Diplomacy Conference*, 2015, pp. 19-20.
19. Gilboa E. Diplomacy in the media age: Three models of uses and effects. *Diplomacy & Statecraft*, 2001, vol. 12, no. 2, pp. 1-28.
20. Hanson F. *Revolution @State: The spread of ediplomacy*. Sydney, Lowy Institute for International Policy, 2012, 84 p.
21. Hocking B., Melissen J. *Diplomacy in the Digital Age*. Wassenaar, Netherlands Institute of International Relations Clingendael, 2015.
22. Manor I. The Digitalization of Diplomacy – Toward Clarification of a Fractured Terminology. *Digital Diplomacy Working Paper*, 2017. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.31199.36004>
23. Manor I. *The Digitalization of Public Diplomacy*. Cham, Palgrave Macmillan, 2019.
24. Manor I., Segev E. America's Selfie: How the US Portrays Itself on its Social Media Accounts. in *Digital diplomacy: theory and practice*. Eds. Bjola C., Holmes M. London, New York, Routledge, 2015.
25. Metz J.F. Network Diplomacy. *Georgetown Journal of International Affairs*, 2001, vol. 2, no. 1, pp. 77-87.
26. Pilegaard J. Virtually Virtual? The New Frontiers of Diplomacy. *The Hague Journal of Diplomacy*, 2017, vol. 12, no. 4, pp. 316-336. <https://doi.org/10.1163/1871191X-12341356>
27. Potter E. H. (ed.) *Cyber-diplomacy: managing foreign policy in the twenty-first century*. Montréal, McGill-Queen's Univ. Press, 2002, 334 p.
28. Khatib L., Dutton W., Thelwall M. Public Diplomacy 2.0: An Exploratory Case Study of the US Digital Outreach Team. *Middle East Journal*, 2011, vol. 66, <https://doi.org/10.2307/23256656>

29. Burt R., Robison O., Fulton B. *Reinventing Diplomacy in the Information Age: A Report of the CSIS Advisory Panel on Diplomacy in the Information Age*. DC, CSIS, 1998, 87 p.

30. Seib P. *Real-time diplomacy: politics and power in the social media era*. New York, Palgrave Macmillan, 2012, 256 p.

31. Suwwan N. *Within Tweeting Distance: How States Use Twitter Diplomacy*. Washington, Academica Press, 2022, 112 p.

32. Tsvetkova N. A. Digitalization of U. S. Public Diplomacy. *Digest of world politics. Annual review*, vol. 10, 2020, pp. 432-443. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.29>

Сведения об авторе

Павлюченко Александра Андреевна
старший преподаватель, кафедра
информационного обеспечения внешней
политики
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119234, г. Москва,
ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51
e-mail: alexa.pavlyuchenko@gmail.com
ORCID 0009-0009-8799-9817

Information about the author

Pavliuchenko Aleksandra Andreevna
Senior Lecture, Chair of Information Support
for Foreign Policy, School of World Politics
Lomonosov Moscow State University
1b-51, Leninskie Gory st., Moscow, 119234,
Russian Federation
e-mail: alexa.pavlyuchenko@gmail.com
ORCID 0009-0009-8799-9817